

Монах вернулся в храм Далеичи, а обезьяна долго ругала улицу. Он не мог понять, почему монаху пришлось вернуться в храм Далеичи. Будда дал ему реликвию и позволил отправиться на сайт ****, чтобы убить Арто Ангкора. Очевидно, что для убийства он одолжил только нож. В начале, если бы буддизму нужны были фанатики, подобные Арто Ангкору, то сейчас это большая проблема. Буддизму некому было бы встать и убить Элто Ангкора, а восстановить одного - это лучше, чем оставить Элто Ангкора в живых, и избавляет от многих проблем.

Но монах вернулся, и обезьяна не могла понять, почему.

Ань Чжэн обнял обезьяну за плечо и посмотрел вдаль: "Монах, ты ненавидишь буддизм, но монах - другое дело. Для монаха буддизм храма Далеичи - это его дом".

Обезьяна: "□ Такой дом, не возвращайся".

Ду Шоу тонко сказал: "Брат Обезьяна, ты не можешь смущать монаха, верно. Монах был принят храмом Далеичи с раннего возраста, и здесь его корень".

Обезьяна на мгновение замерла и больше ничего не сказала.

"Мы идем во Дворец Бессмертных?"

спросил он.

Ань Чжэн кивнул: "Дела в Западном регионе почти завершены. Хотя я не помог тебе найти Цзинь Дая, а я делал это тысячу раз, но это не вызывает сожаления. Я не могу долго оставаться в Западном регионе. Говорят, что я поглотил силу Юаньля в храме Далеичи... Если Будда и проклянет, то, по крайней мере, я не смогу позаботиться о себе сейчас. "

Обезьяна сказала: "Это зависит от меня, сила Юань Лэя изначально была получена мной для буддизма. Теперь она дана тебе, это гораздо лучше, чем оставаться в храме Далеичи".

Ань Чжэн они упаковали багаж, одновременно спрашивая обезьяну: "Что случилось вначале?"

Обезьяна сидела на подоконнике на корточках, и собирать ей было все равно нечего.

"Когда я встретил монаха Цин Цана, это был первый раз, когда он покинул храм Далеичи, чтобы отправиться на практику. Цин Кан сказал, что прочитать десять тысяч книг не так хорошо, как проехать тысячи миль.

Сострадание, о котором говорится в буддийских писаниях, гораздо лучше, чем человеческое сострадание. В то время я уже успел прославиться в Трёх царствах. Даже во Дворце Бессмертных Три Бессмертных не осмеливались по-настоящему относиться ко мне. "

"Будда и другой человек в то время действительно были мирянами. Будда не входил в Бессмертный Дворец в Западных Регионах. Хотя он не знал, что он думал, с этой точки зрения, он хотел больше, чем практики Центральных Равнин в то время. Будьте проще. Позже Будда стал адом, и я очень им восхищался. Просто идеальных людей не бывает, и у каждого есть свои желания. По правде говоря, мало кто может совершать великие дела, но ошибаться может каждый. "

"Есть еще один - император демонов".

Когда обезьяна упомянула это имя, в его тоне, казалось, появилось больше восхищения: "Это

демон, который больше похож на человека, чем большинство людей. Людей, которыми я восхищался в то время, было три с половиной: один - император демонов Да Чи, другой - бессмертный император Виолет, третий - даосский предок, а третий - Будда. Моя первая встреча с Цин Цан была тем способом, которым я собирался увидеть императора демонов Да Чи. Будучи демоном, я не стал бы убеждать себя в том, что хочу сразиться с ним. "

"В результате он встретил монаха Цин Цана на полпути. Он уговаривал нескольких грабителей прекратить грабеж и опустить нож мясника. В то время нож был в руках у нескольких человек, и они ранили их. С помощью ремонта Цин Кан, как ветер, они смогли избавиться от них. Но грабитель не стал этого делать, а просто стоял и уговаривал. Грабители проигнорировали его и пошли убивать людей, чтобы захватить вещи. Монах стоял перед перехваченным человеком, разбойник А ударил его ножом, его все еще уговаривала теща. "

"В то время я был в бешенстве и сказал, как в этом мире может быть такой глупый человек".

Чэнь Шаобай поднял большой палец вверх, не знал, что Цин Цан похвалили, или он считал обезьяну душой.

"Я бросился в гнев и неловко избил грабителей. Он не мог остановить меня, но все равно уговаривал. Знаешь, когда я ударил его палкой, он действительно осмелел и остановился впереди. Блокировать грабителя для грабителя. А глупый грабитель увидел, что монах его блокирует, и дал монаху нож в спину. "

Обезьяна раскинула руки: "Так что же такое сердце?"

Ду Шоу жестко топнул ногой: "Если моя мать встретит, разгрузи этих разбойников на восемь".

Обезьяна: "Так я и сделала. Я жевал ляжку перед лицом монаха. У монаха был полный рот Амитабхи, я спросил его, не хочет ли он попробовать. Его вырвало. После рвоты он все еще давал мне повод, что нужно положить нож мясника и тому подобное. Я проигнорировал его, а мясо в его рту уже было готово. На самом деле он подобрал мясо, которое Лаоцзы проглотил, заделал брешь в бедре, а затем закопал все трупы, Сидя скрестив ноги и совершая ритуал. "

"Серьезный монах".

заклучил Чэнь Шаобай: "Это также скучный монах, гораздо хуже, чем Сюань Тин".

Обезьяна сказала: "Я не мог удержаться от любопытства позже. Я хотел последовать за монахом Цин Цаном, чтобы посмотреть, что он сделал в своем путешествии. Он увидел, что на обочинах дорог лежат трупы, будь то животные или люди. Способ захоронения чрезмерен. Когда он встретит злого человека, то обязательно пойдет его уговаривать. Другие не будут отбиваться от него ударами и пинками, а просто будут болтать так, сложив руки. "

Он взглянул на Аньчжэна: "Угадай, как ответил мне монах Цин Цан".

Ань Чжэн покачал головой.

Обезьяна продолжила: "Он сказал, что начал сомневаться в мантрах, которые читал раньше".

Чэнь Шаобай не мог не вздохнуть: "Мир пошатнул веру Будды, таков мир".

Ань Чжэн вдруг вспомнил, что перед тем, как монах ушел, он говорил о монахе Цин Цин в аду.

Должно быть, он подавил слишком много мыслей об убийстве в своем сердце, прежде чем окончательно вошел в ад. Он культивирует, что спасение людей - это не убийство, поэтому он отказывается убивать людей от начала до конца, даже если перед ним стоит предатель и большое зло, он не делает этого, и чем больше этого, тем больше убийственного ила накапливается в его сердце. много. Позже, после того как Будда обманул обезьяну, он стал еще больше сомневаться в своей вере. Когда верующий был поколеблен, это было ужасно.

Обезьяна не хотела больше говорить о следующих вещах, а просто небрежно сказала несколько слов. Видно, что обезьяна уже освободилась от этого вопроса. Это типичный человек с ножевым ртом и тофу, некоторые жалкие, некоторые отвратительные, а некоторые милые.

Чэнь Шаобай вдруг подумал об одной вещи: "Брат Обезьяна, что случилось с царством в то время, и насколько оно хаотично. Некоторые люди говорят, что царство святых выше царства фей, а некоторые говорят, что царство фей выше, что это за мощное заявление?".

"Нет такого мощного утверждения".

Обезьяна объяснила: "После появления дворца фей, все претенциозные большие люди вошли в дворец фей и считали себя бессмертными. Поэтому, когда они достигли состояния, когда они могли подняться во дворец фей, они, естественно, назывались сказочной страной. Но, когда они прибыли позже, люди во дворце Сиань начали подавлять практиков в мире людей. Они беспокоились, что новые практикующие будут угрожать их статусу, поэтому никому не позволяли вознестись. "

"Они закрыли канал из мира людей во дворец фей, но открыли его в обратном направлении. Они могут прийти в мир людей в любое время, чтобы убрать практиков, которые, по их мнению, представляют угрозу. Практики мира людей не могут взлететь, попав в сказочную страну. В более поздний период он не хотел парить или иметь какие-либо отношения с так называемыми феями, поэтому он превратил это состояние в царство святых.

В более ранние времена не было никакой сказочной страны, только царство святых. "

Обезьяна сказала: "Например, древние святые в мифологический период гораздо ужаснее, чем император фей".

Чэнь Шаобай кивнул: "Неудивительно, что возникла путаница, оказывается, у двух фракций разные названия для одного и того же государства. Ходят слухи, что самый могущественный из трех бессмертных императоров - мой старый предок Цзы Луо, брат обезьяны, не так ли?".

Обезьяна кивнула: "Верно, будь то Сюаньюань или Цинлянь, они смотрят друг на друга свысока, но не смеют активно провоцировать Вайолет. А Вайолет - безумец, который двигается добровольно, нет ничего, что он не мог бы сделать. Другие находятся в Быть бессмертным императором во дворце фей в силе, но он открыл таверну, а убранство грязное, и он не понимает, что говорит. Точно... Это слово "чувства". Он поставил в таверне руль, понимаете, что это значит? Он знает, что значит повесить все бокалы с вином вверх дном? Он смешивает несколько сортов вина в беспорядке, вы понимаете? "

Ань Чжэн покачал головой: "Нет ничего странного в том, что он делает".

Говоря об этом, Чэнь Шаобай вдруг достал из пространственного магического оружия какую-то вещь и протянул ее Ань Чжэну: "Это то, что передалось от моей семьи. Говорят, что это магическое оружие, созданное императором Цзылуо, но до сих пор ни я, ни мой отец не можем понять, что это значит. "

Ань Чжэн взглянул на него, это был инструмент размером с ладонь, очень тонкий, меньше сантиметра толщиной. Длина - около десяти сантиметров, ширина - семь-восемь сантиметров. Рама сделана из стали, она очень круглая и приятная на ощупь. Поверхность покрыта слоем хрустала, который выглядит кристально чистым. Ань Чжэн обнаружил, что в нижней части есть небольшое отверстие, протянул руку и нажал на него, после чего хрустальный слой засветился, и появились две руки, одна большая и одна маленькая, медленно тянущие их друг к другу.

"Что это значит?"

"Это своего рода мораль? Сказать людям, чтобы они повышали взаимное доверие и заботу, и молиться за мир во всем мире?"

"Я не понимаю".

Чэнь Шаобай: "Получается, что будет голос, и так далее..."

Несколько человек привели себя в порядок, пока болтали, и спустились вниз к Бай Цзюли, чтобы спросить ее, не знает ли она, куда делся владелец города Цзялоу Хуову. Бай Цзюли сказала, что, к сожалению, после войны с Арто Ангкор Хозяин города уехал, и никто не знал, куда идти. Ань Чжэн сказал Бай Цзюли, что если хозяин города вернется, то он попрощается с ними. Бай Цзюли выпроводил их из Цзялоу Луочэн, долго стоял у ворот города и не возвращался.

Обезьяна несла на плече железный прут, напевала во рту неизвестную мелодию, и поза у нее была такая непокорная, но он не был свободен и легко виден всем, но на него давила какая-то тяжесть. Железный прут на плече, но эмоции. За огненный танец Калу, за монаха, за свой собственный.

Вдали от них возвышается высокая песчаная дюна.

Одетая в пурпурное платье, Цзялоу Хуову вела гнедого коня, стоя на песчаной дюне, наблюдая за уходящими обезьянами. Ее глаза все время были на спине обезьяны, пока обезьяна не исчезла, а она все еще стояла там, медленно подняла руку и пожала... Это прощание.

Никто не знает, встретятся ли они снова, может быть, никогда.

Ду Шоушоу сел на своего коня, подтянув ноги, и указал на восток: "Сян Гун, я здесь!".

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2199360>